

Римская литература и право: взаимосвязь и взаимопроникновение

Н. В. Маршалок¹, И. Л. Ульянова²

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

¹mshch@yandex.ru

²oulianova555@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрена связь права и литературы в Древнем Риме. В результате анализа произведений римской литературы различных жанров (любовной поэзии, героического эпоса, басни, исторического сочинения) показано взаимопроникновение литературы и права: правовые реалии отражаются в литературных текстах, а цитаты из литературных произведений становятся юридическими терминами. Приведены примеры использования взаимосвязи римской литературы и римского права на практике в преподавании латинского языка юристам.

Ключевые слова: римская литература, римское право, латинский язык для юристов, взаимосвязь литературы и юриспруденции

Для цитирования: Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. Римская литература и право: взаимосвязь и взаимопроникновение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 133–137.

Original article

Roman Literature and Law: Interrelation and Interpenetration

Nataliya V. Marshalok¹, Irina L. Ulianova²

^{1,2}Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹mshch@yandex.ru

²oulianova555@inbox.ru

Abstract. The article examines the connection between law and literature in Ancient Rome. As a result of the study of works of Roman literature of various genres (love poetry, heroic epic, fable, historical work), the interpenetration of literature and law is shown: legal realities are reflected in literary texts, and quotations from literary works become legal terms. Examples of the use of the relationship between Roman literature and Roman law in practice in teaching the Latin language to lawyers are given.

Keywords: Roman literature, Roman law, Latin for lawyers, interrelation of literature and jurisprudence

For citation: Marshalok, N. V., Ulianova, I. L. (2024). Roman literature and Law: Interrelation and interpenetration. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(882), 133–137.

ВВЕДЕНИЕ

На первый взгляд неочевидно, что области юриспруденции и литературы имеют много общего, но, если рассматривать право и литературу как два культурных феномена, как две области гуманитарного знания, созданные людьми и ориентированные на человека и общество, их связь становится явной. Ведь общим источником права и литературы является творчество человека, когда оно еще не разделилось на науки и искусства. Это единство просматривается в латинском слове *ars* (*ремесло, занятие; искусство, наука*)¹. Со временем право и литература пошли разными путями, литература стала заниматься выражением человеческих эмоций и чувств, а право – поддержанием социального порядка. Тем не менее в дальнейшем их пути очень часто пересекались.

Литературу и юриспруденцию объединяет творческое мышление, которое в равной степени необходимо как в литературном труде, так и в профессиональной деятельности юриста. Тесная связь между правом и литературой проявляется и в их методах объяснения, описания, прочтения и выражения. Право римлян, как и право древних греков, было тесно связано с риторикой, речью и письмом. Эта связь наиболее очевидно проявляется в использовании лексических средств и риторических приемов. Но язык, используемый в законе, и язык в любом виде литературы несхожи – применяются разные его лексические пласты. Язык литературного произведения индивидуален, он отражает литературный стиль писателя. Язык права – четкий и логичный – должен избегать двусмысленности и отражать стабильность закона.

История римского права подтверждает, что юридические идеи развиваются не только во времени и пространстве [Mousorakis, 2013], но также из правовой реальности переходят в сферу воображения, например, в художественную литературу. Право, являясь частью культурно-исторического фона, способствует созданию литературных произведений, а литература рассматривает право как один из своих предметов.

В XX веке появилось новое направление в литературоведении и в юриспруденции, применяющее междисциплинарный подход к исследованию права и литературы. В этих исследованиях выделяются два течения: право в литературе – отражает правовые вопросы в литературе; литература в праве или право как литература – анализирует

юридические тексты с помощью литературоведческих методов.

Впервые вопросом взаимосвязи литературы и права занялись в начале XX века, но особую популярность эта тема получила начиная с 70-х годов XX века. Это связано с деятельностью профессора права Джеймса Бойда Уайта (J. B. White) и его сочинения «The Legal Imagination» («Правовое воображение») [White, 1973]. Именно Уайт считается основателем этого направления в науке. Среди других ученых, исследующих эту проблему, нужно отметить самого цитируемого в мире профессора права Ричарда Познера (R. Posner).

При изучении художественной литературы можно анализировать правовые аспекты в ином, более широком контексте, чем в рамках научных исследований в области права. Благодаря популярности книги Уайта и многих других научных работ, исследующих эту тему, литература стала преподаваться студентам-юристам во многих высших учебных заведениях. Для обязательного чтения будущих юристов созданы списки произведений художественной литературы [Weisberg, Kretschman, 1977]. В этом списке художественных произведений, необходимых юристам для более широкого изучения права, представлены Шекспир, Достоевский, Диккенс, Камю, Кафка и другие.

Целью нашей статьи является исследование наиболее необычных примеров взаимосвязи и взаимовлияния римской литературы и римского права и анализ римской литературы как неспециального источника права.

ПРАВО В ЛИТЕРАТУРЕ

Катулл

Анализ отражения правовых вопросов в римской литературе мы начнем с творчества поэта, который, как кажется, далее всего находится от обсуждения каких-либо юридических проблем. Речь идет о знаменитых любовных стихотворениях первого римского лирического поэта Гая Валерия Катулла (I век до н. э.), в которых он увековечил свою любовь к Лесбии. Катулл не представлял себе любви без сердечной привязанности и душевной близости. Чтобы выразить духовные составляющие понятия *любовь*, выйти за границы понимания любви только как чувственного влечения, Катулл, как это ни удивительно, использовал юридическую терминологию. Так, определяя характер любовных отношений с Лесбией, Катулл употребляет

¹Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2005. С. 77.

юридические термины *foedus*¹ (договор), *fides*² (вера, доверие), *pietas*³ (благочестие). В юриспруденции *foedus* предполагал обязательность выполнения условий договора обеими сторонами:

nulla *fides* ullo fuit umquam in *foedere* tanta (*Catullus LXXXVII, 3*) – верности столько досель ни в одном не бывало союзе⁴ (*Катулл 87, 3*).

Катулл усиливает использование здесь термина *foedus* термином *fides* – одним из основных творческих элементов римского правового мышления. Поэт называет любовь к Лесбии *foedus amicitiae*⁵ (дружеским договором), заимствуя это сочетание из терминологии международных отношений; поэт называет такой договор *aeternum* (вечным), а дружбу – *sanctae* (священной):

Ut liceat nobis tota perducere vita *aeternum* hoc *sanctae foedus amicitiae* (*Catullus CIX, 5–6*) – чтобы могли провести мы один навсегда неизменный через всю нашу жизнь дружбы святой договор (*Катулл 109, 5–6*).

Поэт обращается к богам, свидетелям взаимных клятв, и надеется на их помощь в выполнении Лесбией своих обязательств в ответ на его *благочестие* (*Катулл 76, 26*) – *pro pietate mea* (*Catullus LXXXVI, 26*); поэт полагает, что он в юридическом значении *pius*⁶ (благочестивый), т. е. выполняющий свои обязательства:

se cogitat esse *pium* (*Catullus LXXXVI, 2*) – жизнь благочестно провел (*Катулл 76, 2*).

Вергилий

Юридический термин *pietas* (благочестие), выражающийся в исполнении нравственных обязанностей, проходит также через всю поэму Вергилия «*Aeneis*» («Энеида», 29–19 до н. э.), ставшую национальным римским эпосом и прославившую как основателей Рима, так и род Юлиев и век Августа. В эпоху правления Октавиана Августа культ

¹*Foedus*, особенно клятвенный и постоянный союзнический договор с другим государством, содержащий конкретные определения взаимоотношений [Бартошек, 1989, с. 135].

²*Fides*, собственная честность и доверие к чужой честности, верность данному слову; нравственную обязанность всех людей выполнять своё обязательство, в чём бы оно ни выражалось [там же, с. 132].

³*Pietas*, благочестие, преданность, любовь к исполнению нравственных обязанностей [там же, с. 247].

⁴Эд. и далее Катулл в переводе С. В. Шервинского.

⁵*Foedus amicitiae*, дружеский союзнический договор, содержание которого определялось соотношением сил договаривающихся сторон [там же, с. 135].

⁶*Pius*, выполняющий свои нравственные обязанности [Бартошек, 1989, с. 246].

Pietas, богини благочестия и исполнения долга, был одним из важнейших. *Pietas*, предполагавшая благочестие, почитание богов, императора, родителей, детей, родственников, стала наиболее почитаемым божеством. *Pietas* – это то качество, которое соответствует правовому и культурному фону эпохи Августа и которым в наибольшей степени Вергилий наделяет своего героя. Именно оно отличает Энея от гомеровских Ахилла и Одиссея и делает его современником эпохи Августа. Эней – герой нового типа, он, сохраняя важнейшие черты эпических героев, обладает и типично римскими чертами, востребованными и во времена Энея и во времена Августа. Эти римские черты выражены прилагательным *pius* (благочестивый), ставшим постоянным эпитетом Энея в поэме. Ведь Эней не только выносит на плечах своего отца из горящей Трои, он ответственен за свой народ и за своих потомков и выполняет миссию, возложенную на него богами.

Сюжет *Энеиды* стал символом исполнения человеком своего долга, возложенной на него миссии: «истинным предметом *Энеиды* стали не история, а миф, не Август, а Рим, не свершенные подвиги, а predetermined миссия» [Гаспаров, 1983, с. 439].

Таким образом, текст поэмы *Энеида* отражает определенные правовые нормы, характеризующие римское общество и во время действия поэмы, и в момент ее создания. Но Вергилий указывает и на те правовые реалии, которые были присущи обществу только во времена действия поэмы. Это – кровная месть, которая была основным способом охраны правопорядка: ближайшие родственники убитого были обязаны отомстить убийце. Так, убивая своего соперника Турна, Эней исполняет священный *долг мщения*, которого ожидает от него отец убитого Турном Палланта. Этот священный долг, от которого нельзя уклониться, Эней совершает со словами:

Pallas immolat et *poenam* scelerato ex sanguine *sumit* (*Aeneis XII, 948–949*). – Паллант за злодейство *взимает* кровью *пеню* с тебя!⁷ (*Энеида XII, 948–949*).

Раненый Турн, по мнению Энея, утратил всякое право на пощаду, потому что, убив Палланта, он сам тяжело согрешил против священных уз отца и сына. Возможно, мифические противники Энея служат примером того, как следовало расценивать вину исторических противников Октавиана Августа, который не проявил милосердия к убийцам Гая Юлия Цезаря, своего приемного отца, и к их сторонникам.

⁷Перевод С. А. Ошерова.

ЛИТЕРАТУРА В ПРАВЕ: КАК ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ СТАНОВЯТСЯ ЮРИДИЧЕСКИМИ ТЕРМИНАМИ

Федр

Мы рассмотрели примеры использования римскими поэтами юридических понятий для определения душевного состояния (Катулл) и этической нормы (Вергилий). Не менее интересны противоположные случаи, когда изречения писателей использовались римскими юристами и, таким образом, становились юридическими терминами.

В нашей статье [Маршалок, Ульянова, 2018] был рассмотрен подобный случай трансплантации [Husa, 2021, с. 388]. Литературным источником юридического термина **societas leonina** *львиное товарищество* стала басня «Canis et Capella, Ovis et Leo» («Корова, коза, овца и лев») римского поэта Федре (I век н. э.). Этому способствовало употребление слова *societas*¹ в значении юридического термина «товарищество» в первом стихе этой басни:

Numquam est fidelis cum potente **societas** (*Canis et Capella, Ovis et Leo* I, V, 1).

Выражение *societas leonina* стало настолько популярным в I веке н. э., что его тогда уже как юридический термин использовал юрист Гай Кассий Лонгин, а спустя два века знаменитый юрист Ульпиан. Этот образ из басни перешел в юридический язык и право и остался на века в научной и учебной юридической литературе.

Перевод юридических терминов, в основе которых лежат латинские крылатые выражения, вызывает сложности и не всегда очевиден, потому что из самих высказываний невозможно понять их юридическое значение. «Буквальный перевод таких терминов не отражает их полисемичности, которая выражается в использовании как обычного, так и специального юридического значения, возникающего в результате метафорического пересмысления. Многие латинские правовые термины являются метафорами» [Маттила, 2006, с. 208].

Тит Ливий

Еще один пример юридической трансплантации – выражение *periculum est in mora* (*опасность в промедлении*). Этот афоризм известен из сочинения *Ab Urbe condita* (*История Рима от основания Города*) римского историка Тита Ливия (I век до н. э. – I век

н. э.). Тит Ливий говорит здесь о римлянах, которые обратились в бегство, увидев, что **больше опасности в промедлении, чем защиты в сохранении строя**² (*История Рима от основания Города* XXX–VIII, 25, 13) – **plus in mora periculi quam in ordinibus conservandis praesidii esset** (*Ab Urbe condita* XXXVIII, 25, 13).

Это выражение, говорящее о необходимости срочно предпринять какие-то действия, чтобы предотвратить негативные последствия, было хорошо известно до Тита Ливия. Ранее оно встречалось в комедии «Mercator» («Купец») римского комедиографа Плавта (III–II вв. до н. э.). В комедии Плавта раб Аканфион, спеша на встречу со своим молодым хозяином Харинном, подгоняет сам себя такими словами:

quam restito, tam maxime res in periculo vortitur (Mercator I, 1, 121) – Чем больше медлишь, тем сильнее опасность³ (Купец I, 1, 121).

У Плавта говорится об опасности *maxime res in periculo vortitur*, а для понятия *промедление* используется глагол *restito* (*останавливаться, медлить, колебаться*)⁴. А у Тита Ливия *промедление* обозначается словом **mora**, которое кроме общеупотребительного значения *замедление, промедление, задержка*⁵ используется и в специальном юридическом значении «отсрочка, просрочка, время, на которое исполнение обязательства задерживается по вине должника или кредитора» [Бартошек, 1989, с. 218]. Благодаря юридическому употреблению существительного *mora* афоризм *periculum in mora* целиком принял на себя его значение и стал использоваться в праве в качестве принципа, буквально означающего *опасность задержки*. Этот принцип закреплен в законодательных актах, в мерах предосторожности и устраняет риск неоправданной задержки в судебном разбирательстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования литературы через призму права и, наоборот, права через призму литературы являются новой и активно развивающейся областью гуманитарной науки, которая стремится понять культурные и правовые явления в их взаимосвязи и взаимопроникновении.

Материалом исследования стали произведения римской литературы, представляющие разные литературные жанры (любовная лирика, героическая поэма, басня, историческое повествование).

²Перевод А. И. Солопова.

³Перевод А. В. Артюшкова.

⁴Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. С. 668.

⁵Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. С. 494.

¹**Societas**, товарищество, договор товарищества, Соединение имущества или труда двух и более лиц для общей пользы [Бартошек, 1989, с. 297].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mousorakis G. Legal Transplants and Legal Development: A Jurisprudential and Comparative Law Approach // Acta Juridica Hungarica. 2013. Vol. 54. №3. P. 219–236.
2. White J. B. The Legal Imagination: studies in the Nature of Legal Thought and Expressions. Boston, Little Brown and Company, 1973.
3. Posner R. A. Law and Literature. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2009. 3rd ed.
4. Weisberg R. H., Kretschman K. L. Wigmore's "legal novels" expanded: a collaborative effort. Maryland law forum, VII. 1977.
5. Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения / Пер. с чешск. М.: Юридическая литература, 1989.
6. Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н. э. Эпоха и культура // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 437–443.
7. Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. «Societas leonina» – литературная метафора и юридический термин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 17 (815). С.119–129.
8. Husa J. Comparative law, literature and imagination: Transplanting law into works of fiction // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021. Vol. 28. № 3. P. 371–389.
9. Маттила Х. Э. С. Латинские изречения и термины в современном юридическом словоупотреблении // Ius antiquum = Древнее право. 2006. № 2 (18). С. 204–210.

REFERENCES

1. Mousorakis, G. (2013). Legal Transplants and Legal Development: A Jurisprudential and Comparative Law Approach. Acta Juridica Hungarica, 54 (3), 219–236.
2. White, J. B. (1973). The Legal Imagination: studies in the Nature of Legal Thought and Expressions. Boston, Little Brown and Company.
3. Posner, R. A. (2009). Law and Literature. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press. 3rd ed.
4. Weisberg, R. H., Kretschman, K. L. (1977). Wigmore's "legal novels" expanded: a collaborative effort. Maryland law forum, VII.
5. Bartoshek, M. (1989). Rimskoe pravo: Ponyatiya, terminy, opredeleniya = Roman Law: Concepts, terms, definitions / Per. s cheshsk. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)
6. Gasparov, M. L. (1983). Grecheskaya i rimskaya literatura I v. do n. e. Epoha i kul'tura = Greek and Roman literature of the first century BC. Era and culture. Istoriya vsemirnoj literatury= The History of world Literature: in 8 vols. (Vol.1, 437 – 443). Moscow: Nauka, 1983–1994. (In Russ.)
7. Marshalok, N. V., Ulianova, I. L. (2018). "Societas Leonina – Literary Metaphor and Legal Term. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 17(815), 119 – 129. (In Russ.)
8. Husa, J. (2021). Comparative law, literature and imagination: Transplanting law into works of fiction. Maastricht Journal of European and Comparative Law, 28(3), 371 –389.
9. Mattila, H. E. S. (2006). Latinskie izrecheniya i terminy v sovremennom yuridicheskom slovoupotreblenii = Latin sayings and terms in modern legal usage. Ius antiquum = Drevnee pravo, 2(18), 204–210. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маршалок Наталия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романских языков международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

Ульянова Ирина Леонидовна

доцент, доцент кафедры романских языков международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marshalok Nataliya Vladimirovna

Associate Professor, PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Roman Languages Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Ulianova Irina Leonidovna

Associate Professor, Associate Professor of the Department of Roman Languages Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	28.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication